

Мария Велль

*Лифт желаний:
запретная близость*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Лифт желаний: запретная близость

<https://litres.ru/74155787>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она взрослая женщина с грузом прошлого и ребёнком, он молодой, дерзкий сосед сверху. Их противостояние началось с борьбы за парковочное место у подъезда, но быстро переросло в игру опаснее любой войны. Днём колкие взгляды и язвительные реплики, ночью жаркие сны, в которых границы приличий стираются. Она старалась держать дистанцию, пока однажды он не начал воплощать её самые сокровенные фантазии наяву. Теперь ей предстоит решить: поддаться запретному влечению или сохранить хрупкий мир, который она так долго выстраивала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария Вель

Лифт желаний: запретная близость

Глава 1

День выдался тяжелым. Сводить дебет с кредитом в конторе, когда голова забита счетами за жилье и репетитора для Аленки та еще напасть. Весна только делала вид, что пришла: днем солнце плавало остатки серого снега, а к вечеру подморозило так, что лужи покрылись тонкой, предательской коркой льда.

Марина аккуратно вела старенькую малолитражку по узкому двору пятиэтажки. Она высматривала хоть какой-нибудь просвет у своего подъезда. Июльский зной давно сменился апрельским холодом, но битва за клочок земли под окнами не прекращалась никогда.

Ее место. Узкая полоска утрамбованной земли, которую она мысленно считала своей последние семь лет, было занято. Посреди двора, хищно поблескивая черным лаком, стоял низкий спортивный зверь. Машина занимала пространство сразу двух повозок, нагло наехав колесом на бордюрный камень.

Да чтоб тебя, выдохнула Марина, выворачивая руль.

Она втиснулась в единственную щель между покосившимся грибком песочницы и старым тополем. Дверца со стороны водителя открылась лишь на треть. Пришлось буквально вываливаться из кабины, пачкая светлое пальто о грязный бок автомобиля. Каблук предательски скользнул по ледяной каше. Марина чудом удержала равновесие, больно ударившись локтем о свою же дверцу.

Черт возьми, почему сердце пропускает удар от простого холода? Нет, это не холод. Это глухое раздражение, которое копилось годами. Семь лет одиночества научили ее быть незаметной, тихой, удобной. Но сегодня терпение лопнуло.

Из спортивной машины доносились тяжелые басы. Стекла дрожали. Сосед сверху Виктор. Двадцатипятилетний нахал, купивший квартиру над ней месяц назад. Он появлялся редко, всегда шумно, оставляя после себя запах дорогого табака и рев мотора на стоянке.

Марина решительно направилась к подъезду, где как раз маячила высокая фигура соседа. Он был одет вызывающе легко для такой погоды: тонкая кожаная куртка распахнута, под ней простая белая рубаша, обтягивающая широкие плечи. Даже отсюда чувствовалось исходившее от него ощущение опасности и полной уверенности в себе.

Молодой человек! голос Марины прозвучал слишком высоко и нервно даже для нее самой. Вы перегородили мне выезд. И заняли мое место.

Виктор медленно обернулся. На губах играла ленивая усмешка. Глаза цвета грозового неба прошли по ней оценивающе от растрепавшихся волос до стоптанных каблучков сапог. Взгляд задержался на вырезе расстегнутого пальто, дольше дозволенного приличиями. Женщина, здесь нет табличек, протянул он низким, чуть хриловатым голосом. Кто первый встал, того и тапки. Или... место.

Он присел на капот своей блестящей игрушки, закинув ногу на ногу. Движения были плавными, кошачьими. Весь его вид кричал о том, что ему глубоко плевать на ее гнет, работу и усталость. Я ставлю здесь машину уже семь лет, процедила Марина, стараясь звучать твердо. Уберите свой драндулет.

Виктор фыркнул, словно она сказала невероятную глупость. Ваш самокат занимает половину дороги. Паруйтесь дальше, возле мусорных баков, там места завались.

Внутри у Марины все вскипело. Обида, злость, бессилие перед этой каменной стеной самоуверенности. Она сделала шаг вперед, сокращая расстояние. Если вы сейчас же не перегоните...

Договорить ей не дал резкий звук. Виктор потянулся через крышу своей машины к багажнику. Чтобы удержать равновесие, он широко расставил ноги и тяжело оперся левой рукой о металл прямо над окном водительской двери Мариного автомобиля. Прямо над ее головой.

Их тела оказались опасно близко. Расстояние сократилось

до десятка сантиметров. Марина замерла, вжавшись спиной в холодный борт своей малолитражки. От Виктора пахло озоном тем самым запахом, который бывает в воздухе перед сильной грозой чистой кожей и едва уловимой ноткой горького мужского парфюма. Тепло, исходящее от его бедра, находящегося в опасной близости от ее плеча, казалось почти материальным.

Взгляд упал на его руку. Широкая ладонь с длинными пальцами легла на крышу автомобиля. Мышцы предплечья напряглись под тонкой тканью рубахи. Марина почувствовала, как волна жара прокатилась от шеи вниз, заставляя кожу покрыться мурашками. Воздуха вдруг стало мало в тесном пространстве между двумя машинами. Желудок свело спазмом ужаса вперемешку с чем-то темным, незнакомым. Ей захотелось сделать шаг назад, спрятаться, но лопатки уперлись в холодное железо.

Проблемы, птичка? тихо спросил он, заметив ее смещение. Уголок его рта дернулся вверх. Он намеренно наклонился ниже, опираясь второй рукой о корпус ее машины позади нее, заключая женщину в ловушку собственного тела. Ты смотришь так, будто я достал нож, а не сумку с продуктами.

Его близость оглушала. Запах чистого мужского тела бил в нос, лишая воли. Хотелось закрыть глаза и просто дышать этим воздухом густым, наэлектризованным. Понимание того, насколько он физически сильнее, пришло внезапно и пьяняще. Этот мужчина мог сломать ее одним щелчком паль-

цев. Эта мысль должна была пугать, но вместо этого низ живота скрутило горячей спиралью.

Марина резко втянула воздух, приходя в себя. Злость отрезвила лучше ушата холодной воды. Она дернулась в сторону, выскальзывая из-под нависающей угрозы. Нахал, бросила она, отворачиваясь. Ноги казались ватными, колени мелко дрожали. Псих.

Не дожидаясь ответа, она быстро пошла к подъезду, слыша за спиной его тихий, раскатистый смех. Руки дрожали так сильно, что ключ никак не попадал в прорезь домофона. Только оказавшись внутри, в тусклом свете лампочки первого яруса, она смогла перевести дух. Прислонилась лбом к холодной штукатурке стены. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в кончиках пальцев.

Весь вечер прошел как в тумане. Она проверяла уроки у Аленки, слушала рассказы дочери о школе, готовила ужин, но тело помнило чужое тепло. Когда Аленка наконец уснула, разметав светлые косички по подушке, Марина осталась сидеть на краю детской кровати.

Сверху послышался глухой стук. Затем еще один. Тяжелые, размеренные шаги. Словно кто-то мерил горницу из угла в угол. Вибрация прошла сквозь перекрытия, отозвавшись странным толчком внизу живота.

Марина подняла голову, глядя в потолок. Старая побелка, трещинка в углу, пятно от давнего затопления. Там, над ней, ходил тот самый наглец.

«Это просто пол скрипит», попыталась убедить она себя. Старый дом вечно живет своей жизнью. Балки сохнут, дерево гудит. Никакой мистики. Никаких причин для того, чтобы пальцы сами собой сжимались в кулак на коленях, а рту пересыхало при мысли о случайном прикосновении чужой ладони к крыше автомобиля.

Но притяжение, возникшее внизу, во дворе, никуда не делось. Оно висело в воздухе квартиры тяжелым облаком, обещающая бурю. Шаги наверху стихли. Послышался глухой удар чего-то тяжелого о пол. Марина вздрогнула.

Завтра будет новый день. Завтра она снова увидит его самодовольную ухмылку. И почему-то мысль об этом больше не вызывала желания спрятаться. Лишь тревожное, сладкое предвкушение новой схватки.

Глава 2

Сон сморил Марину только под утро. Ей снились бесконечные столбцы цифр, которые плавились и стекали по бумаге черными слезами. Разбудил ее не будильник и не луч солнца. Грохот басов ворвался в спальню, заставив задрезать стекло в старой рамке на стене.

Два часа ночи.

Марина села в кровати, чувствуя, как глухая ярость сдавливает горло ледяной рукой. Сверху гремело так, что вибрировал матрас. Опять. Семь лет она жила в этой тишине, выстраивая вокруг себя и Аленки хрупкий кокон покоя. Один месяц и этот каменный истукан сверху рушил всё одним нажатием кнопки.

Она накинула халат поверх ночной сорочки. Пальцы дрожали от недосыпа и злости. Не разбудить бы дочь. На цыпочках, стараясь не скрипеть половицами, Марина вышла в общий коридор. Лампочка здесь снова перегорела, пахло кошками и сырой побелкой. Подниматься пришлось почти на ощупь, держась за шаткие перила.

Дверь квартиры Виктора оказалась приоткрыта. Из щели лился густой янтарный свет и валили клубы табачного дыма, смешанного с чем-то терпким, сладковатым. Музыка там звучала еще громче, превращаясь в физическую силу, давящую на грудную клетку.

Не тратя времени на стук, Марина толкнула створку плечом. Выключите эту гадость! крикнула она, переступая порог. Голос сорвался на хрип.

Квартира встретила ее хаосом свежего ремонта: голые кирпичные стены, стремянка посреди горницы, запах свежей стружки, растворителя и чего-то хвойного. Сам хозяин стоял спиной к ней, опираясь бедром о подоконник распахнутого настежь окна. Ветер трепал темные влажные волосы. Мокрая рубаша облепила мощный торс, но Виктор уже дергал ткань вверх, собираясь избавиться от лишней одежды. Он был без обуви, босые ступни уверенно стояли на грязном полу.

Он обернулся медленно, словно нехотя. Увидев незваную гостью, он не удивился. На губах заиграла ленивая усмешка, от которой у Марины внезапно пересохло во рту. Взгляд цвета грозового неба прошелся по ее фигуре от домашних тапочек до растрепанных волос задержавшись чуть дольше приличий на вырезе старенького халата. О, соседка пожаловала, произнес он громко, перекрывая музыку. Голос был низким, с легкой хрипотцой курильщика. Пришла просить автограф? Или пожаловаться на шум?

Он сделал шаг ей навстречу. Пространство крошечной прихожей разом стало тесным, душным. Запах его кожи смесь озона после дождя, табака и мужского пота ударил в ноздри, выбивая почву из-под ног. Воздуха вдруг стало мало в просторной комнате. Черт возьми, почему сердце пропускает удар? От него веяло такой первобытной уверенно-

стью, такой опасной силой, что хотелось одновременно вцепиться ему пощечину и прижаться всем телом, чтобы согреться.

Я сказала, выключите! повторила она тверже, пытаясь вернуть себе власть над ситуацией. У меня ребенок спит.

Виктор склонил голову набок. Его взгляд перестал быть насмешливым. Стал тяжелым, темным, оценивающим. Он подошел вплотную, нарушая все границы личного пространства. Теперь их разделяли считанные сантиметры. Марина почувствовала жар, исходящий от его обнаженной груди. Ребенок спит, эхом отозвался он, понижая голос до шепота. А ты нет. Стоишь тут вся напряженная, как струна. Боишься меня, Марин?

Откуда он знает ее имя? Ах да, конечно, скандал со стоеккой неделю назад. Она кричала тогда, защищая свое место, которое он пытался занять своим блестящим монстром. Называла себя.

Вместо ответа он протянул руку. Большим пальцем провел по ее нижней губе, стирая невидимую пылинку или капельку слюны. Прикосновение обожгло кожу сильнее огня. По позвоночнику прокатилась горячая волна, сбивая дыхание. Ноги стали ватными. Ты слишком долго жила одна, птичка, прошептал он ей прямо в губы, обдавая горячим дыханием. Слишком долго строила вокруг себя стену. Пора ломать.

Музыка резко оборвалась. Наступившая тишина показывала

лась оглушительной. Зазвенело в ушах. Виктор не убрал руку. Его палец все еще касался ее рта, удерживая, не давая отступить.

Марина дернулась назад, словно обжегшись. Кровь пульсировала в висках, внизу живота разливалось странное, незнакомое тепло, граничащее с паникой. Она смотрела в его наглые глаза и понимала одну страшную вещь: этот парень представляет для нее угрозу куда большую, чем бессонница. Угрозу всему тому хрупкому порядку, который она выстраивала годами. Если музыка не стихнет через минуту, я вызову участкового, бросила она осипшим голосом и вылетела за дверь, едва не споткнувшись о порог.

Спускаясь по лестнице обратно в свою безопасную нору, она прислонилась к холодной стене подъезда. Прижала ледяную ладонь к горящему лицу. Сердце колотилось где-то в горле. Что это сейчас было? Обычная дерзость мальчишки? Или нечто иное, чему нет названия в старых книгах?

Закрыв за собой дверь своей квартиры, она привалилась к ней спиной, слушая, как бешено стучит кровь. Наверху больше не играло радио. Там царила зловещая, тяжелая тишина. И эта тишина пугала гораздо меньше, чем осознание того факта, что впервые за семь лет мысль о мужчине заставила ее забыть про покой дочери и счета за воду.

Прошло около получаса. Марина сидела на кухне, сжимая в руках остывшую кружку с травяным сбором. Тишина в доме казалась звенящей. Аленка мирно посапывала в соседней

комнате, подложив ладошку под щеку. Все было хорошо. Порядок восстановлен.

И тут раздался грохот.

Это был не просто звук музыки. Это был тяжелый, ритмичный топот. Словно кто-то намеренно прыгал на месте или передвигал массивный шкаф прямо у нее над головой. Люстра в кухне качнулась. Кофейная ложечка жалобно звякнула о блюде.

Глухота прошла, сменившись красной пеленой перед глазами. Страх за потолок, за люстру, за сон дочери испарился, оставив лишь чистую, незамутненную ярость. Этот погром нельзя было списать на случайность. Это была война.

Марина вскочила. Халат развевался темными крыльями. Платок полетел на стул. Она взлетела по лестнице так быстро, как позволяла одышка и скользкие ступени. Дверь Виктора на этот раз была закрыта, но удары продолжались. Она забарабанила кулаком по дереву так сильно, что заболели костяшки.

Открой немедленно, скотина! закричала она, вкладывая в удар всю тяжесть своего тела.

Топот прекратился. Послышался щелчок замка. Дверь распахнулась.

На пороге стоял Виктор. Но вид его заставил Марину на секунду замереть с занесенным для нового удара кулаком. Волосы были мокрыми и взъерошенными, капли воды стекали по мощной шее на ключицы. Он успел снять мокрую руба-

ху, оставшись по пояс обнаженным. Бугрящиеся мышцы играли в тусклом свете лампочки. Единственное, что прикрывало его бедра низко повязанное махровое полотенце темно-синего цвета. Капли конденсата срывались с влажной ткани и падали на пол.

Опять ты? протянул он совершенно спокойно, будто они обсуждали погоду. Что на этот раз? Таракан пробежал?

Его спокойствие взбесило Марину окончательно. Она ткнула его пальцем в твердую грудь. Ты прыгаешь мне на голову! Специально! Хочешь обрушить потолок на моего ребенка?!

Виктор перехватил ее запястье. Рука у него была горячей и сухой, хватка железной, но осторожной. Он не причинял боли, просто фиксировал, не давая бушевать. Я делаю разминку, птичка, сказал он тихо, глядя на ее рот. Имею право в своем доме. Или ты думаешь, я должен спрашивать разрешения каждый раз, когда хочу пошевелить ногами?

Запах чистого мужского тела, мыла и влаги окутал ее плотной волной. Марина попыталась вырвать руку, но он держал крепко. Их взгляды встретились. Темный омут его глаз затягивал. Расстояние между лицами сократилось. Она чувствовала тепло его дыхания на своих губах.

Воздух в тесной прихожей стал густым, вязким. Казалось, если чиркнуть спичкой, вспыхнет пламя. Марина стояла, пойманная в ловушку его руки и собственного желания врезать ему по самодовольной физиономии... или впиться поце-

луем в эти нахальные губы.

Пусти, выдохнула она, сама не узнавая свой севший голос.

Виктор моргнул, выходя из оцепенения. Медленно разжал пальцы, выпуская ее руку. Но прежде, чем кожа ощутила свободу, он большим пальцем мазнул по линии ее жизни. Легкое, мимолетное прикосновение, длившееся долю мгновения.

Скучно живешь, вдова, бросил он ей вслед, когда она развернулась, чтобы бежать вниз. Жизнь проходит мимо, пока ты считаешь чужие деньги и шаги.

Марина кубарем слетела по лестнице, прижимая горящее запястье к груди. Она ввалилась в квартиру, захлопнула дверь и прислонилась к ней затылком, закрыв глаза. Пальцы левой руки сами собой сжались в кулак. Но правая... правую руку она поднесла к лицу и принялась. Кожа пахла им. Озоном, табаком и победой. Тепло его ладони казалось выжженным клеймом на тонкой кости.

Она прошла в детскую, поправила одеяло на Аленке и вернулась на кухню. Села за стол. Достала из ящика ручку, придвинула чековую книжку оплаты счетов. Открыла чистую страницу. Рука, выводящая цифры, мелко дрожала. Цифры всегда помогали держать разум в узде. Но сегодня колонки плясали перед глазами.

Стук шагов над головой возобновился. Ровный, размеренный ритм. словно отсчет времени до взрыва. Марина закрыла уши руками, но вибрации шли сквозь пол, сквозь подош-

вы тапочек, прямиком в душу. Она ненавидела его. Всем сердцем. Каждой клеточкой своего замерзшего за семь лет тела.

«Это просто пол скрипит», убеждала она себя, глядя в темноту за окном, но пальцы сами сжимались в кулак.

Глава 3

Утро началось с тихого, но настойчивого звука. Кап. Пауза. Кап.

Марина открыла один глаз и уставилась в потолок над кроватью. Старая побелка хранила на себе шрамы прошлых лет желтые разводы от давних протечек соседей сбоку. Но звук шел не оттуда. Он раздавался со стороны ванной.

Кап.

Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то вниз. Семь лет она жила в страхе перед бытовой поломкой. Любая течь означала трату денег, которых вечно не хватало, поиск мастера и унижительные просьбы.

Накинув халат поверх сорочки, Марина метнулась в ванную. Лямочка под потолком моргнула и осветила унылую картину: прямо на белую крышку стиральной машины падали тяжелые, редкие капли. Вода собиралась в лужицу на эмали и медленно стекала по резиновому ободку дверцы на кафельный пол.

Только не это, простонала Марина.

Она бросилась к щитку, перекрыла воду в квартире, хотя понимала если течет сверху, ее краны бесполезны. Взгляд упал на трещину в пожелтевшем пластике потолка. Влага уже пропитала штукатурку, превратив ее в липкое месиво. Нужно было действовать быстро, пока горячая вода не за-

мкнула проводку стиралки.

Виктор. Мысль о нем была подобна глотку ледяной воды. После вчерашней ночи подниматься к нему снова казалось самоубийством. Но выбора не оставалось. Оставлять так нельзя затопит и себя, и нижних жильцов, а платить за чужой ремонт ей нечем.

Поднявшись на четвертый ярус, она постучала коротко и зло. Дверь распахнулась почти сразу. Виктор стоял на пороге, одетый лишь в потертые джинсы, низко сидящие на бедрах. Грудь обнажена, на плече красуется свежая ссадина видимо, последствия его ночной «разминки». От него пахло утренним кофе и холодным металлом. Опять ты? он прислонился плечом к косяку, скрестив руки на груди. На губах играла привычная усмешка. Решила проверить, дома ли я, прежде чем вызывать полицию?

У меня течет с потолка, процедила Марина, стараясь смотреть ему в переносицу, а не на влажные темные волосы или широкую грудь. Ванная комната. Либо вы сейчас идете смотреть свои трубы, либо я вызываю аварийную службу, и они вскрывают вам стояк вместе с дверью.

Улыбка сползла с его лица. Он молча отступил в сторону, пропуская ее внутрь. Квартира встретила запахом хвойного освежителя и жареного хлеба. Виктор прошел на кухню, схватил с крючка большое полотенце. Где именно? голос стал серьезным, деловым. Исчезли игривые нотки, осталась только сталь.

Марина провела его к себе. В ванной ситуация ухудшилась: капли стали чаще, образовав на крышке машинки мокрое пятно размером с блюдце. Вот, она указала пальцем вверх. Прямо из стыка плит.

Виктор подошел ближе. Его рост позволял упереться макушкой в потолок их старой пятиэтажки. Он задрал голову, изучая место протечки, затем перевел взгляд на саму ванну. Обшитая старым пожелтевшим пластиком, она стояла намертво, зажата между стеной и стиральной машиной. Труба уходит в стену, пробормотал он. Чтобы понять, откуда бежит, нужно лезть под корыто. Там ревизионный люк должен быть.

Он опустился на одно колено прямо на холодный мокрый кафель. Полотенце, которое он держал, полетело на стиральную машину ловить капли. Инструмент есть? Фонарик?

Марина кивнула, чувствуя странную сухость во рту. Она достала из навесного шкафчика старый ручной фонарь-молоток и протянула ему. Их пальцы случайно соприкоснулись. Холодный пластик в ее руке столкнулся с горячей кожей его ладони. По предплечью словно ток прошел.

Виктор взял инструмент и начал откручивать пластиковую панель под бортиком ванны. Пластик затрещал, сопротивляясь. Марина стояла рядом, прижимая к груди стопку чистых полотенец, совершенно не зная, что делать. Пространство крошечной ванной комнаты разом стало невыносимо тесным. Запах сырости и хлорки смешивался с терп-

ким ароматом его кожи.

Свети сюда, глухо приказал он, ныряя головой под изгиб фаянса.

Его широкие плечи загородили почти весь проход. Виктор буквально втиснулся в узкую щель между дном ванны и кафелем пола. Из-под корыта торчали только его бедра, обтянутые жесткой джинсой, и ступни.

Марина наклонилась, направляя луч света в черноту. И тут же замерла, осознав всю нелепость и откровенность момента. Она стояла над мужчиной. Над его головой, широкими плечами и... тем местом, где заканчивались джинсы. Теснота сыграла злую шутку: чтобы держать фонарь ровно, ей пришлось расставить ноги шире, практически встав над ним буквой «Л».

Взгляд Виктора был направлен строго вверх. Прямо на полы ее халата. Ткань старого махрового изделия давно потеряла форму и при наклоне разошлась, открывая обзор до середины бедра. Тонкая ситцевая Ночнушка вряд ли служила надежным прикрытием в такой позе.

Марина почувствовала, как лицо заливают краска. Жар поднялся от шеи к ушам. Ей хотелось выпрямиться, запахнуть халат, убежать, но пошевелиться значило обрушить поток грязной воды прямо ему на голову. Нашел? пискнула она, пытаясь вернуть голосу твердость.

Вместо ответа он чуть повернул голову. Складка меж бровей разгладилась. Это не труба, произнес он своим низким

голосом, который в этой акустике звучал особенно глубоко и вибрировал где-то внизу живота Марины. Стык канализации подтекает. Резинка разохлась.

И тут она почувствовала это. Тяжесть. Не физическую чугунная ванна надежно держала его вес. Моральную тяжесть взгляда. Он смотрел снизу вверх. Темные глаза в полумраке казались абсолютно черными. Он видел слишком много. Видел тонкую кожу внутренней стороны бедер, видел кружево края сорочки, видел то, что положено видеть только мужу.

Воздуха вдруг стало мало в просторной ванной. Сердце пропустило удар, забившись пойманной птицей о ребра. Черт возьми, почему сердце пропускает удар от одного лишь направления чужого взора? Между ног потяжелело, отозвавшись тянущей, незнакомой болью. Захотелось сжать бедра плотнее, но это движение выдало бы ее с головой.

Надо менять уплотнитель, сказал он, наконец отводя глаза и возвращаясь к осмотру. Голос прозвучал хрипло. Я схожу в лавку через дорогу, куплю манжету. А ты пока вытри лужу, чтоб к соседям снизу не пролилось.

Он начал пятиться назад, выбираясь из-под ванны. Когда он сел на корточки, их лица оказались на одном уровне. Капля пота стекла по его виску, пересекла скулу и остановилась в ямочке на подбородке. Марина зачарованно проследила за ней взглядом.

Виктор тяжело дышал после тесноты. Грудь ходила ходунном. Он посмотрел на нее теперь прямо, без тени насмешки.

Во взгляде плескалось нечто темное, опасное, отчего колени Марины едва не подогнулись. Держи, он сунул ей в руку фонарь. Пальцы задержались на ее ладони дольше нужного. Никого не впускай. Я сам сделаю.

Он ушел стремительно, оставив после себя запах мужского тела и звенящую тишину. Марина еще долго смотрела на закрытую дверь своей ванной, прижимая ладонь к горячей щеке. Под пальцами кожа пульсировала.

Прошло минут двадцать. Стук в дверь заставил ее подпрыгнуть. На пороге снова стоял Виктор. В руках бумажный сверток и сумка с инструментами. Лицо сосредоточенное, суровое. Посторонись.

Он снова оказался в ее ванной. На этот раз он работал быстро и четко. Разобрал сифон, очистил старый герметик сильными, уверенными движениями пальцев. Марина стояла в стороне, боясь дышать. Каждый раз, когда он поворачивался, широкая спина напрягалась, мышцы играли под влажной от усилий кожей.

Закончив, он полез обратно под ванну проверять стык. Фонарь, потребовал он.

Марина опустила на колени рядом. Пространство под раковиной было крошечно темным и тесным. Пахло пылью, старой ржавчиной и.... им. Он лежал на спине, занимая собой все свободное место. Она наклонилась, подавая прибор.

Их руки встретились в темноте. Виктор перехватил ее запястье, не давая просто отдать фонарь. Его широкая, шер-

шавая ладонь накрыла ее тонкие пальцы, сжимающие корпус. Он направил луч туда, куда нужно, используя ее руку как продолжение своего инструмента.

Они замерли. В неловкой, интимной позе. В тесноте. Колоном она касалась его бока. Ее локоть упирался в его живот. Она чувствовала каждый его вдох, тепло, исходящее от его грудной клетки. Запах его парфюма дорогой, древесный, мужской смешивался с запахом сырости и металла. Воздух закончился. Легкие требовали кислорода, но горло сдавило спазмом.

Выше, прошептал он ей в сгиб локтя. Горячее дыхание обожгло чувствительную кожу. Чуть левее. Видишь резьбу?

Марина видела только пульсацию крови в своих висках. Чувствовала дрожь собственных пальцев, которые больше не принадлежали ей ими управляла его тяжелая рука поверх ее ладони. Тепло чужой ладони прожигало кожу насквозь.

Вижу, выдохнула она, сама не понимая, смотрит ли на трубу или на тень густых ресниц на его щеке.

Повисла пауза. Никто не двигался. Рука об руку в темноте, в тесноте, в запретной близости. Напряжение достигло такого пика, что зазвенело в ушах. Еще секунда, и кто-то из них сойдет с ума.

Виктор внезапно отпустил ее. Резко разорвал контакт, словно обжегся. Готово, буркнул он, выползая наружу и садясь на край ванны. Лицо его было мрачным, челюсти сведены. Проверим через час. Если сухо повезло.

Он встал, собрал инструменты и пошел к выходу, даже не оглядываясь. Марина осталась сидеть на полу, глядя на свои колени. Ноги отказывались держать. Она подняла руку к лицу. Кончики пальцев все еще помнили очертания его губ на сгибе локтя.

Дождавшись, пока хлопнет входная дверь его квартиры, она встала, подошла к зеркалу и плеснула в лицо холодной водой. Из мутного стекла на нее смотрела женщина с лихорадочным румянцем и безумно блестящими глазами.

Она оперлась руками о раковину, пытаясь успокоить бешеный стук. Что это сейчас было? Обычная помощь соседа? Или нечто иное, чему нет названия в старых книгах? За окном начался мелкий дождь. Капли стучали по карнизу в том же ритме, что билось ее сердце. Позволить этому продолжаться означало потерять остатки контроля. Но мысль о том, что вечером он может снова включить музыку, вызвала не гнев, а дикое, сводящее с ума предвкушение.

С тяжелым вздохом она вернулась к стиральной машине. Поверхность была сухой. Итог проверки обнадеживал, но душу оставлял в полном смятении.

Глава 4

Субботнее утро выдалось на редкость ясным. Марина решила использовать этот день для главного испытания закупки провизии на неделю вперед. Аленка была отправлена к школьной подруге на уроки рисования, и теперь путь был свободен для тяжелой артиллерии в виде трех огромных сумок.

Она спустилась во двор, сгибаясь под тяжестью поклажи. Плечи ныли, пальцы онемели от впившихся ручек. Старая пятиэтажка гордилась своим единственным техническим достижением: ржавым грузовым подъемником у торцевой стены. Обычно им пользовались только при переездах или чтобы поднять мешки с картошкой пенсионеры. Сегодня выбора не было. Тащить тридцать килограммов на четвертый ярус по шербоатой лестнице казалось пыткой хуже дыбы.

Марина втиснулась в тесную металлическую коробку, завалив пол сумками так, что места осталось лишь на то, чтобы стоять на одной ноге. Нажала кнопку второго яруса Виктор как раз выносил свои вещи к машине. Увидев ее в железной коробке, он удивленно вскинул бровь, но молча подошел, когда кабина дернулась и поползла вниз. Застрянешь, птичка, хмыкнул он, подходя вплотную. Этот металлолом старше моей бабушки.

Кабина дернулась еще раз и замерла. Раздался скрежет, от

которого свело зубы. Желтая лампа над головой моргнула, плюнула искрой и погасла. Наступила крошечная темнота, густая и осязаемая, как бархат. Пол ушел из-под ног. Лифт завис между вторым и третьим ярусами.

Сердце пропустило удар. Нет. Вдох застрял в горле колючим комом. Кирпичные стены двора напротив, пыльный чердак... Темнота лифта всегда вызывала приступ липкого ужаса. Спина покрылась липким потом. Нельзя кричать. Если она закричит, потолок рухнет прямо на макушку.

Вот ведь напасть, раздался в темноте низкий, совершенно спокойный голос Виктора. Он стоял совсем рядом. Пространство разом съежилось, став крошечным. Запах его одеколона, озона после грозы и чего-то терпкого окутал ее плотной волной.

Кабина качнулась опасно сильно. Сумка с консервами накренилась и поехала прямо на Марину. Она взвизгнула, пытаясь удержать равновесие на крошечном пятчке свободного пола, но ноги предательски скользили по грязному металлу.

Виктор среагировал мгновенно. Одним широким шагом он преодолел ничтожное расстояние. Его руки легли ей на талию жестко, властно, фиксируя в пространстве. А затем он сделал шаг назад, буквально впечатывая Марину спиной в холодную рифленую стенку кабины.

Тяжесть чужого тела навалилась сзади, прижимая к ледяному металлу. Огромные ладони сжали ее бедра поверх

джинсов, лишая возможности пошевелиться. Ноги Марины оказались намертво зажаты между его расставленными коленями. Любое движение отзывалось трением грубой джинсовой ткани о внутреннюю сторону ее бедер.

Тише, выдохнул он ей в затылок. От горячего дыхания волосы на шее шевельнулись. Я держу. Стены никуда не делась. Мы просто висим.

Марина вцепилась пальцами в его предплечья, чувствуя пережат стальных мышц под кожей. Сердце теперь не просто пропускало удары оно билось где-то в глотке, мешая сглотнуть. Но паника отступала, сменяясь чем-то иным. Более опасным. Жар, исходящий от его груди, прожигал спину сквозь тонкую ткань куртки. Там, где их тела соприкасались от лопаток до поясницы, бушевал настоящий пожар.

Воздуха вдруг стало мало в просторной металлической коробке. Каждый вдох отдавался мучительным осознанием того, насколько плотно они прижаты друг к другу. Она чувствовала каждое его движение, даже самое мелкое как напрягается живот при дыхании, как твердеют мышцы бедер, удерживающих ее вес.

Пусти, прошептала она, но голос прозвучал слабо, неуверенно. Руки, упершиеся ему в грудь, не давили, а скорее цеплялись за него, как за единственный островок твердой почвы посреди океана.

Не могу, честно ответил он низким, вибрирующим голосом куда-то в макушку. Иначе ты сломаешь ногу об эту же-

лезяку. Или я тебя прибую этой банкой тушенки, которая сейчас пытается протаранить твою спину.

Он чуть расслабил хватку на бедрах, позволяя ей вздохнуть глубже, но позиций не сдал. Марина стояла, закрытая им со всех сторон, словно броней. Внизу живота медленно разгорался знакомый уже жар. Это безумие. Они висят в сложенной коробке в грязном дворе старой пятиэтажки, а она думает только о том, как близко находятся его губы к ее уху.

Сколько нам тут сидеть? спросила она, чтобы хоть что-то сказать, разорвать это звенящее напряжение. Минут двадцать. Охрана вызвала мастера со стоянки, Виктор говорил тихо, почти лениво, но интонация изменилась. Исчезла привычная насмешливость. Осталась глубокая, опасная серьезность. Двадцать минут в темноте. С тобой. Наедине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.